

СЕЛО БОРИСОВСКОЕ

съ его приходскими селеніями нижегородскаго уѣзда.

Село *Борисовское* находится въ 15 верстахъ отъ губернскаго города, въ лѣвой сторонѣ отъ большой арзамасской дороги, въ полуверстѣ отъ нея. Стоитъ оно на цокатой къ югу мѣстности, пересѣкаемой на двѣ половины — восточную и западную — глубокимъ безводнымъ оврагомъ, который начинается съ арзамасской дороги, версты за двѣ до села, и оканчивается за сельскими гумнами. Въ 2 верстахъ отъ Борисовскаго, на югъ, протекаетъ рѣка Рудьма, пробирающаяся между кустарникомъ и мелкимъ лѣсомъ. Есть устное преданіе, что лѣтъ за полтора, приблизительно, село находилось въ 100 саженьяхъ отъ упомянутой рѣки, въ параллель съ теперешней сельскою мѣстностью, на грибѣ, за которой, поэтому, осталось и по настоящее время названіе Стараго Борисовскаго. Письменныхъ документовъ объ этомъ, а равно и объ образованіи настоящаго села, не сохранилось никакихъ.

Село Борисовское пользуется особенно извѣстностію по такъ называемому Баранову Ключу, который находится въ 2½ верстахъ отъ села, на сѣверо-востокѣ, въ имѣніи В. П. Козлова. Тамъ устроена каменная часовня въ честь божей матери живоноснаго источника, имѣющая длины и ширины двѣ сажени. Въ ней, впродолженіи весны и лѣта, большею частью въ воскресные дни, служатся молебны для приходящихъ и прѣзжающихъ изъ окружающихъ мѣстъ и въ особенности изъ Нижняго-Новгорода; бываеъ здѣсь также не мало изъ горбатовскаго уѣзда, изъ с. Павлова, изъ балахнинскаго и семеновскаго уѣздовъ. При часовнѣ есть странноприм-

ный церковный домъ, въ которомъ постоянно живетъ какая нибудь вдовая женщина, пользующааяся довѣріемъ прихожанъ; обязанность ея состоитъ въ распродажѣ восковыхъ свѣчъ въ часовнѣ и въ уходѣ за нею. Икона божіей матери живописнаго источника приносится въ часовню изъ борисовскаго храма съ крестнымъ ходомъ, по просухѣ—въ концѣ апрѣля, или въ началѣ мая, а уносится оттуда—въ концѣ августа. Часовня Баранова Ключа стоитъ на пригоркѣ, съ крытой террасой, укрывающей богомольцевъ отъ дождя и солнечнаго жару; представляется она какъ бы вросшею въ гору, на которой живописно растутъ вѣковые дубы, вязы, черемухи и дикія яблони, своими верхушками осыпая ея главу съ вызолоченнымъ крестомъ. Самый ключъ вытекаетъ изъ горы, въ сопровожденіи нѣсколькихъ другихъ ключей и искусно проведенъ въ часовню, въ которой устроенъ квадратный, аршина въ 2, водоемъ, обложенный снизу бѣлымъ камнемъ; вода изъ него течетъ подъ часовней въ противоположную сторону, по трубѣ, проведенной сажень на 12, гдѣ бьетъ нарочно устроеннымъ фонтаномъ; вытекая изъ фонтана и соединяясь съ другими ключами, она образуетъ довольно значительный ручей, бѣгущій по камешкамъ, съ журчаніемъ, сначала по довольно глубокому руслу, гдѣ была лѣтъ 20 назадъ водяная мельница—крупчатка бывшаго до г. Козлова владѣльца г. Родионова; потомъ русло становится меньше и меньше и, наконецъ, ручей теряется въ лугахъ, разливаясь по нимъ и орошая ихъ. Передъ часовней разстилается ровная, какъ скатерть, прекрасная долина, усыпанная въ лѣтнее время тысячами разныхъ цвѣтовъ съ сочною травою и окруженная со всѣхъ почти сторонъ лѣсомъ лиственной породы—вѣковыми дубами, вудравыми березами и осинами, опущенными орѣшникомъ. По направленію къ сѣверу отъ часовни, по склону горы, въ видѣ парка, насажены густыми аллеями разныя деревья: кленъ, липа, береза и проч., а у подошвы горы устроены два искусственные пруда (г. Козлова) изъ ключей, съ рыбою и обсаженные ветельникомъ; на одномъ изъ нихъ сдѣлана купальня. Жители Нижняго-Новгорода за особенное удовольствіе считаютъ для себя, какъ можно чаще, бывать на Барановомъ Ключѣ и любоваться его очаровательнымъ видомъ, отдыхая подъ тѣнью высокихъ развѣсистыхъ дубовъ; нѣкоторые даже имѣютъ виллы его. Простой-же народъ, и даже больные, въ особенности лихорадочные, имѣютъ обыкновеніе окачиваться здѣсь, въ лѣсу, хо-

лодною фонтанною водою, оставляя иногда на сучкахъ деревьевъ что-либо, напр. крестъ съ себя, поясъ или рубашку, и просто-душю вѣрують, что лихорадка ихъ оставитъ. Объ основаніи часовни на Барановомъ Ключѣ не сохранилось никакихъ письменныхъ актовъ; но преданіе говоритъ, что Барановъ Ключъ носитъ свое названіе по фамили московскаго купца Баранова, получившаго исцѣленіе отъ своей продолжительной болѣзни на этомъ мѣстѣ, будто бы указанномъ ему самою богоматерію въ сонномъ видѣніи. Здѣсь стояла прежде, на столбѣ, деревянная часовенка—такая, какія обыкновенно ставятъ при дорогахъ на перекресткахъ; въ ней находилась икона божіей матери живоноснаго источника, отъ которой Барановъ и получилъ исцѣленіе, въ то время, когда отправлялся на ярмарку къ «Старому Макарью», по московскому тракту, лежавшему, до перенесенія ярмарки изъ г. Макарьева въ Нижний, неподалеку отъ упомянутой часовни—въ полуверстѣ. Взавши эту икону, какъ чудотворную, въ свой домъ, купецъ Барановъ, вмѣсто нея, прислалъ, будто-бы, снимокъ съ иконы, съ тѣмъ, чтобы, по его желанію и на его средства, была выстроена каменная часовня, на мѣстѣ его исцѣленія. Время ея основанія полагають около 60 лѣтъ тому назадъ. О чудодѣйственныхъ проявленіяхъ отъ иконы божіей матери живоноснаго источника на Барановомъ Ключѣ хотя записей и не имѣется, но большое стеченіе сюда народа, издавна и изъ разныхъ мѣстъ, свидѣтельствуетъ, конечно, о живой и пламенной вѣрѣ приходящихъ. Икона въ настоящемъ своемъ видѣ имѣетъ вышины 1 арш. и 6 вершк., а ширины—1 арш. и 2 вершка; на ней риза серебряная, въ 1848 году добротнымъ дательемъ, нижегородскимъ купцомъ Петромъ Ясыревымъ позолоченная; вѣсу въ ней—12 фунт. и 6 золотн.; украшена жемчугомъ и драгоценными камнями, стоящая 230 р.

Здѣсь, кстати, скажемъ нѣсколько словъ и о храмахъ, находящихся въ селѣ Борисовскомъ. Въ немъ 3 храма: одинъ—во имя обновленія храма воскресенія христова, пятиглавый, построенный въ 1774 году, съ каменною колокольнею; другой—во имя покрова пресвятыя богородицы, одноглавый, построенный въ 1788 году, иждивеніемъ прихожанъ, какъ и первый; оба деревянные, а третій—каменный—въ честь святаго Петра митрополита, тоже одноглавый, построенный въ 1794 году помѣщицей А. Н. Елагиной, надъ прахомъ ея мужа, нижегородскаго вице-губернатора, стат.

сваго совѣтника П. В. Елагина. Храмъ этотъ, имѣющій въ длину 4, а въ ширину $2\frac{3}{4}$ сажени, съ довольно новымъ вызолоченнымъ иконостасомъ, стѣнами крѣпко, полъ въ немъ изъ бѣлаго камня; но наружный его видъ приходитъ въ ветхость, особенно желѣзная крыша. Ремонтировался онъ прежде наследниками г-жи Елагиной, но, со времени освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, оставленъ ими безъ обозначенія. По словесному предложенію бывшаго нижегородскаго епископа Нектарія, совѣтовалось священно-служителямъ села Борисовскаго пригласить кого либо изъ жителей Нижняго-Новгорода быть покровителемъ этого храма, но доселѣ не оказывается такого, почему и придется, со временемъ, уразднить его.

Кромѣ часовни на Барановомъ Ключѣ, принадлежащей къ селу Борисовскому, находится еще часовня при большой арзамасской дорогѣ, въ верстѣ отъ села—на югъ, деревянная. При ней вырытъ колодезь для проходящихъ и проезжающихъ.

Мы сказали, что мѣстность села Борисовскаго—изволокомъ; поэтому оно со всѣхъ сторонъ, кромѣ южной, представляется стоящимъ какъ-бы въ ямѣ, и не имѣетъ хорошаго вида. Мѣстоположеніе-же всего прихода—волнообразное: есть долины, горы и ровныя мѣста.

Почва земли въ борисовскомъ приходѣ, болѣею частью, суглинистая, въ которой, однако, песку очень мало, а больше глины. Здѣшніе земледѣльцы называютъ ее *сирою*, какою она дѣйствительно и представляется; на нѣкоторыхъ-же возвышенныхъ мѣстахъ видъ ея глиняный. Глубина почвы—отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ аршина. На возвышенныхъ мѣстахъ дождевая вода задерживается въ маломъ количествѣ, скатываясь на низменныя, которыя въ полую воду заиливаются, а въ обыкновенное время отъ дождей образуются на нихъ застои воды, въ засуху-же трескаются; поэтому и обработка земли на нихъ вдвое труднѣе, чѣмъ на первыхъ. Относительно урожая—хлѣбъ на низкихъ поляхъ нивой хотя и лучше, но наливаемъ гораздо хуже, чѣмъ на верхнихъ; вообще-же на неунавоженной землѣ хлѣбъ родится плохо—едва самъ-другъ приходитъ. Дико-растущія травы на поляхъ слѣдующія: свербига или дикая рѣдька, пестушки, ромашка, полынь, метлика, лебеда, дикая рябинка, дятловникъ и проч.; изъ цвѣтковыхъ во ржи—василекъ, а въ пшеницѣ—василекъ и куколь. Подпочва земли—одна глина, мѣста-

ми—красная, а подъ ней—отъ 1 до 2 сажень глубины—песокъ. Кромѣ рѣкъ Кудьмы, со множествомъ озеръ и болотъ, гдѣ сельскіе жители имеютъ пшеницу, а иногда и бѣлье, и Оки, находящейся въ 4 верстахъ отъ Борисовскаго, при которой живописно раскинута приходская деревня Береговья Новинки, въ приходѣ есть ключи съ свѣжею и чистою водою (въ 6 деревняхъ), колодези и пруды. Жители всѣхъ селеній довольствуются хорошею водою и въ достаточномъ количествѣ, кромѣ деревень Новосильцевскихъ Новинокъ (съ однимъ только колодеземъ, и то помѣщичьимъ), Ольгиной (гдѣ нѣтъ ни одного колодезя, а пользуются водою изъ тихо-бѣгущаго ключа, находящагося въ оврагѣ, въ полверстѣ отъ деревни) и села Борисовскаго. Въ послѣднемъ хотя и имѣется пять колодезей, но вода въ нихъ жесткая, иловатая и съ отстоемъ песку; глубина колодезей 15 сажень; устройство ихъ—трубами, а выхаживаніе воды, колесомъ, трудное. Поэтому нѣкоторые изъ поселеній ѣздятъ за водою съ бочками на Барановъ Ключъ, или же ходятъ съ ведрами на ближайшій къ селу—съ полверсты. Вода въ нихъ, особенно на Барановомъ Ключѣ, мягкая и свѣжая; но не у каждаго есть бочка и лошадь, чтобы привезти оттуда воды, а носить ее съ ближайшаго ключа для всякаго употребленія—много теряется времени; поэтому и носится она только для чая, въ весеннее-же время на этотъ ключъ не ходятъ,—вода на немъ заливается. Имѣя такую ощутительную нужду въ хорошей водѣ, многіе толкуютъ, какъ-бы провести ее въ Борисовское съ котораго-либо ключа: разъ купили даже и бревень для этаго, ждали искусственнаго бассейна воды, какъ небесной манны съ неба, но почему-то дѣло это разстроилось. Бѣлье имеютъ борисовскіе жители, большею частію, или на упомянутыхъ ключахъ, или же въ деревнѣ Изосимлевѣ, изобилующей нѣсколькими (4) ключами, въ двухъ верстахъ отъ села. Ваіяніе рѣкъ Оки и Кудьмы на сельское хозяйство состоитъ въ томъ, что въ нихъ ловятъ рыбу и раковъ; кромѣ того, по рѣкѣ Обѣ сплавляютъ сюда строевой лѣсъ, а отсюда въ Нижній—бутъ и алебастръ, добываемые въ горахъ; также кирпичъ съ завода, находящагося на берегу рѣки Ока, по причинѣ крутыхъ береговъ, большого разлива не даетъ, а Кудьма, разливаясь въ весеннее время, орошаетъ значительную часть луговъ. Особенностей въ здѣшнемъ климатѣ, сравнительно съ климатомъ уѣзда, не замѣчается. Вѣтеръ не постоянный—дуетъ со всѣхъ сто-

ровъ, но по преимуществу, съ сѣвера и запада. Направление съверныхъ и южныхъ вѣтровъ, въ отношеніи къ гористымъ и низкимъ мѣстамъ, бываетъ неодинаково: при болѣе, сравнительно, сильномъ сѣверномъ вѣтрѣ, вѣтряныя мельницы на первыхъ мелютъ тише, или-же вовсе не мелютъ, въ сравненіи съ южнымъ, менѣе сильнымъ; на послѣднихъ-же, или лежащихъ по склону горъ мѣстахъ, явленіе бываетъ обратное. Объясняется это тѣмъ, что тотъ или другой вѣтеръ, убивая въ гору и поднимаясь изъ подъ нея, стелется сначала низомъ, а потомъ, простираясь далѣе по одному и тому-же направленію—въ гору, или подъ гору и не находя для себя преградъ, дуетъ свободнѣе и поднимается выше отъ земли. Горы проходятъ отъ сѣвера къ югу. Лѣтъ 15 назадъ, по замѣчанію нѣкоторыхъ, дожди въ лѣтнее время бывали здѣсь и чаще, и продолжительнѣе, а зимы долше, чѣмъ нынѣ, но заморозки—напротивъ, что очень естественно, при вырубкѣ значительнаго количества помѣщичьихъ лѣсовъ. Впрочемъ, лѣтомъ слишкомъ большихъ жаровъ, а зимой холодовъ не бываетъ, такъ какъ климатъ умѣряется водою двухъ рѣкъ Оки и Кудьмы, озеръ, болотъ и ключей.

Періодъ растительности обыкновенный: озимой хлѣбъ поспѣваетъ, по большей части, къ ильину дню, а сѣнокосъ—къ казанской (18 іюля). Относительно-же болѣзней растений замѣчается, что въ садахъ плодовые деревья позябаютъ, а на пшеницѣ, иногда еще неспѣлой, вслѣдствіе росъ и тумановъ, которые бывають здѣсь часто, особенно на низменныхъ мѣстахъ, показывается перѣдво ржавчина: зерно свертывается и дѣлается тощимъ. Въ 1869 году появились здѣсь сѣрые жуки, которые листья на деревьяхъ и хлѣбныя растенія поѣдали почти совершенно. Разъ (въ продолженіи 20 лѣтъ) появлялась также гусеница (зеленые червяки) во множествѣ, и поѣла повсемѣстно почти весь яровой хлѣбъ. На пшеницѣ, приблизительно въ 5 лѣтъ одинъ разъ, бываетъ головня, которая по замѣчанію однихъ, появляется вслѣдствіе посѣвовъ въ ненастное время, а другихъ—отъ того, что сѣютъ сырмолотной пшеницей. Сдѣланное жителями Катунюкъ, балахвинскаго уѣзда, изобрѣтеніе, описанное въ I томѣ «Нижегородскаго Сборника»—мыть передъ посѣвомъ пшеницу съ головней известью имѣетъ и здѣсь самое лучшее приложеніе. Пшеница родится, большею частію, съ куклемъ и мышинымъ горохомъ—отъ сѣмянъ съ куклемъ и горохомъ.

Общее число жителей села Борисовскаго и приходских къ нему селеній простирается, въ настоящее время, по духовнымъ росписямъ, до 2676 чел., въ числѣ которыхъ мужскаго пола 1249, а женскаго 1427 человекъ; по 10 же ревизіи значится мужскаго пола 1118, а женскаго 1238, всего—2356; со времени ревизіи прибыло 320 человекъ мужскаго пола 131 и женскаго 189. Въ приходѣ села Борисовскаго всѣхъ населенныхъ пунктовъ считается 14.

	Ревизское населеніе.		Число населенія по уставной грамотѣ.	Число дворовъ.
	М. пола.	Ж. пола.		
Село Борисовское.	319	350	303	142
Деревня Кусаковка .	191	209	191	74
Деревня Горки .	410	350	417	14
Деревня Изосимлево.	58	60	60	26
Сельцо Кокшарово .	52	57	49	23
Сельцо Береговья Новинки .	128	145	128	45
Сельцо Новосильцевскія Новинки .	104	108	100	38
Деревня Ольгица .	27	27	24	10
Сельцо Козловка .	74	77	74	26
Деревня Румянцево .	34	53	34	16
Деревня Ройка .	90	117	89	37

Всѣ эти селенія находятся въ разстояніи отъ села Борисовскаго отъ 1 до 4 верстъ.

Всѣ жители села Борисовскаго и приходскихъ къ нему селеній чисто-великорусскаго происхожденія; нарѣчіе ихъ довольно правильное, исключая деревни Ольгиной, переселенной сюда изъ муромскаго уѣзда владимірской губерніи, въ числѣ 8 семей, по волѣ помѣщика В. П. Козлова; жители этой деревни вмѣсто буквы *ц*, употребляютъ въ произношеніи букву *ч*, напр. «кормилчѣ». Одежду носятъ здѣсь, большею частію, обыкновенную: лѣтомъ—черной русской овечьей шерсти, или же верблюжьей и «пѣмецкаго» сукна кафтаны; зимой—овчинные дубленые полушубки и тулупы, покрытые сукномъ; на головѣ носятъ картузы, а шляпъ—мало. Бѣлье у стариковъ и пожилыхъ—самотканная пестрядная рубаха съ такими-же портами, а у молодыхъ, по большей части, ситцевыя и

кумачными съ панковыми и триковыми штанами (лѣтъ 20 назадъ были въ модѣ плисовые штаны). Не малая часть прихожанъ, служащихъ въ Нижнемъ приказчиками, половыми въ трактирахъ и на другихъ подобныхъ должностяхъ, носить «нѣмецкую» одежду: лѣтомъ — суконные сюртуки съ брюками и жилеты, зимой — драповыя и суконныя на недорогомъ мѣху и на ватѣ пальто; нѣкоторые ходятъ даже съ часами. Женщины носятъ лѣтомъ такіе-же, какъ и у мужчинъ, кафтаны изъ простаго русскаго верблюжьяго сукна, а въ праздники надѣваютъ полукафтаны изъ «нѣмецкаго» сукна, штофныя шелковыя холодники и куртки плисовыя и суконныя; зимой-же — дубленыя безъ покрывки и крытыя сукномъ или плюсомъ шубы, червыя — съ овчинными и мерлушчатыми заворотами и такою-же опушею, а послѣднія — съ бѣличьимъ воротникомъ и бѣличьею опушею; въ употребленіи также — тулупчики (тоже, что и холодники, только на мѣху и съ опушею). Жены служащихъ въ городѣ носятъ и пальто. Нижняя одежда: китайчье съ клиньями — московскіе ситцевые, шерстяные и шелковыя — сарафаны и платья; послѣднихъ, сравнительно, меньше; рубахи носятъ съ ситцевыми рукавами, съ холщевыми и коленкоровыми обшитыми кружевами. Головной женскій уборъ: золотыя повязки, шелковыя и шерстяныя платки, и шерстяныя шаля; этотъ нарядъ праздничный, а въ будни надѣваютъ простыя бумажныя платки. Мужчины и женщины въ рабочую пору лѣтомъ носятъ лапти, зимой — валеныя сапоги; въ праздники-же лапти у первыхъ замѣняются лѣтомъ кожаными сапогами, а у послѣднихъ — башмаками и полусапожками изъ простаго кожи, зимой — вязанками. «Нѣмецкая» одежда начала входить здѣсь въ употребленіе постепенно, со времени освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости. Лѣтъ же за 50 до настоящаго времени, рассказываютъ старики, народъ ходилъ гораздо проще: даже въ праздники не носили того, что нынѣ носятъ въ будни; поэтому, кто сряжался жениться, тотъ выпрашивалъ себѣ повѣнчаться панковый халатъ, имѣвшійся во всемъ селѣ у одного только крестьянина. Женщины носили тогда кокошницы; кафтаны-же шили не съ борами, какъ нынѣ, а съ костьюми по бокамъ и гладнымъ задомъ.

По занатіямъ, здѣшніе жители по преимуществу — земледѣльцы; но есть между ними и ремесленники, промышленники, торговцы, и то, по большей части, какъ говорится, отъ сохи, на время.

Въ отношеніи физическаго состоянія, жителей можно раздѣлить на двѣ категоріи: одна, состоящая изъ кузнецовъ, живущихъ только по зимамъ—народъ блѣдный и худощавый, особенно жители Новосильцевскихъ Новинскъ, какъ по преимуществу отличающіеся отъ всѣхъ другихъ своею слабостью комплекціей и малымъ ростомъ; а другая, работающая навозѣ, довольно крѣпкаго организма и роста средняго—2 аршинъ и 6 вершковъ. Изъ болезней здѣшнихъ особенныхъ болѣзней, кромѣ холеры, которая заносится сюда здѣшними рабочими во время нижегородской ярмарки, не встрѣчается; а изъ обыкновенныхъ, по большей части, бывають здѣсь лихорадки и разныя простудныя болѣзни, называемыя крестьянами *килами*; дѣтей же поражаютъ, по преимуществу, натуральная оспа, корь и скарлатина. Медицинскихъ средствъ противъ болѣзней крестьяне не отвергаютъ, но и вѣру въ знахарей и разныя ихъ наговоры не оставляютъ. Кромѣ земскаго фельдшера, не мало помогаютъ больнымъ привѣжающій по временамъ въ свое имѣніе—Новосильцевскія Новинки—нижегородскій врачъ Г. Н. Соловьевъ и здѣшняя помѣщица М. С. Козлова, пользующая гомеопатическими лекарствами. Народъ обращается къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ. Оспу дѣтямъ большая часть крестьянъ прививаетъ неохотно; но вѣрятъ, что искусственное привитіе предохраняетъ отъ натуральной оспы; это, въ свою очередь, происходитъ отъ того, что оспенники своимъ дѣломъ занимаются небрежно: вѣдять весьма рѣдко, прививаютъ, въ большинствѣ случаевъ, оспенной матеріей уже негодной къ употребленію, за созрѣваніемъ оея не наблюдаютъ и тѣмъ самымъ поселяютъ въ простомъ народѣ недовѣріе къ благодѣтельному средству противъ оспенной эпидеміи. Раскольники же вовсе не прививаютъ оспы своимъ дѣтямъ.

Въ нравственномъ отношеніи большинство здѣшнихъ жителей—люди, отличающіеся добрыми качествами; но рядомъ съ ними встрѣчаются личности, у которыхъ грубое обращеніе съ женою, несогласіе съ домашними, нетрезвая жизнь и матерьялы слова—обыкновенныя явленія. Крупныхъ преступленій въ продолженіе послѣдняго десятилѣтія не было, равно какъ и распутства; но наче- ты на мірскихъ старостахъ бывають нерѣдко.

Въ борисовскомъ приходѣ два начальныхъ народныхъ учили-

ща: одно въ селѣ, а другое въ деревнѣ Береговыхъ Новинкахъ; первое открыто 8 ноября 1867 года, а второе—въ ноябрь-же 1872 года. Въ каждомъ изъ нихъ по одному наставнику, въ первомъ—приходскій священникъ, а во второмъ—кончившій курсъ семинаріи. Учащихъ въ борисовскомъ училищѣ бывало до 63, а съ открытіемъ другого училища, было только 25 человекъ, въ числѣ которыхъ 4 дѣвочки; въ новинковскомъ-же училищѣ въ 1872—1873 годахъ 50 мальчиковъ. Борисовское училище помѣщается въ пожертвованномъ приходскимъ обществомъ домѣ, а новинковское выстроено частнымъ лицомъ, крестьянцомъ-собственникомъ той деревни Иваномъ Ефимовичемъ Матюнинымъ. Оба училища, кромѣ отопленія, найма сторожа и необходимой ремонтровки, содержатся на земскій счетъ. Окладныхъ денегъ на борисовское училище собирается ежегодно съ приходскаго общества по 3 коп. съ чел. Наставники получаютъ жалованье отъ земства, по 125 р. сер., кромѣ законоучительскихъ денегъ. Мальчики учатся изъ всѣхъ почти приходскихъ селеній, но посѣщаютъ училище вообще не исправно, потому что родители ихъ нуждаются очень часто въ ихъ пособіи при сельско-хозяйственныхъ работахъ; оставляютъ ихъ, во время отсутствія, по недосугамъ и другимъ обстоятельствамъ, дома, водиться съ малыми дѣтьми, или просто домовничать; берутъ съ собою въ лѣсъ за дровами, или на мельницу молотъ зерновой хлѣбъ и т. п. Замѣтной также причиной неискренняго посѣщенія учащимися училища въ селѣ Борисовскомъ служитъ ошибочный взглядъ стараго поколѣнія крестьянъ на дѣло грамоты, ограничивающій ее машинальнымъ чтеніемъ по преимуществу церковно-славянскихъ книгъ, въ особенности—псалтири, да безграмотнымъ письмомъ, а отсюда происходитъ несочувствіе къ новому способу обученія и непониманіе ими порядка училищныхъ занятій, дозволяющее смотрѣть на неискренняго посѣщеніе училища учащимися, какъ на что-то неимѣющее большого значенія. Впрочемъ, съ увѣренностію можно надѣяться, что со временемъ, когда подрастетъ молодое поколѣніе, наредѣ будетъ смотрѣть на школу совершенно другими глазами; равно также сами собой исчезнутъ и многія темныя стороны въ жизни крестьянъ, что отчасти и теперь уже замѣчается.

Въ деревнѣ Береговыхъ Новинкахъ открыто училище, какъ нельзя болѣе кстати, потому что въ ней, въ одной только изъ всего прихода, находятся раскольники и зараженные духомъ раскола,

которые однако не чуждаются отдавать дѣтей своихъ въ училище. Раскольники эти, въ количествѣ 27 чел. мужскаго и 18 женскаго пола, безпоповщинской секты. Они имѣютъ вліаніе, по большей части, только на своихъ семейныхъ и односельныхъ съ ними крестьянъ, а на другихъ православныхъ большого вліанія не имѣютъ, такъ какъ противовѣсомъ раскольнической пропагандѣ служатъ поученія приходскихъ священниковъ съ церковной кафедрѣ и другія мѣры, предпринимаемыя ими противъ раскола, равно также и народное образованіе. Раскольники особенныхъ молебень не имѣютъ, но бывають у нихъ читавья въ чьемъ-либо раскольническомъ домѣ. Умершихъ своихъ хоронять они на владбищѣ, отведенномъ имъ обществомъ, около 350 сажень отъ деревни, на бугрѣ, мѣста занимаетъ оно сажень 10.

Въ православномъ-же народѣ религія проявляется въ слѣдующихъ дѣлахъ христіанскаго благочестія: въ усердномъ хожденіи въ храмъ божій и охотномъ слушаніи поученій церковныхъ, въ исполненіи предписаній вѣры, относительно христіанскихъ таинствъ, обрядовъ и постовъ, въ поминовеніи усопшихъ и подаваніи милостыни бѣднымъ, въ служеніи молебновъ и панихидъ въ церкви, въ посильныхъ приношеніяхъ на украшеніе храма, въ общественныхъ молебствіяхъ, бывающихъ лѣтомъ въ каждой почти деревнѣ, особенно во время засухи и другихъ народныхъ бѣдствій, также въ почитеніи къ родителямъ, въ повиновеніи властямъ и проч.

Но надобно сказать, что прихожане, при своей релігіозности, нечужды, однако, многихъ предрасудковъ и суевѣрій, унаследованныхъ ими отъ своихъ предковъ, такъ напр.:

Грѣхъ — париться въ банѣ вѣникомъ: потому что, будто-бы, «жидове били Иисуса Христа желѣзными прутьями, похожими на вѣники».

Принесеннымъ изъ бани вѣникомъ, которымъ парились, грѣхъ — полъ мести въ домѣ, невымывши его, лѣтомъ — водой, а зимой — снѣгомъ, «потому что имъ грѣшное свое тѣло парили — нужно ему очищеніе».

Когда метешь полъ, долженъ говорить: «святая хижина, на святомъ мѣстѣ поставленная, святою крышею покрытая, впереди — Господи, по краямъ — апостолы», — а безъ провозношенія этихъ словъ грѣхъ полъ мести.

Грѣшно также — ронять хлѣбныя крошки изъ рукъ; мурунив:

ши-же, нужно найти их и съѣсть; если-же самъ не найдешь, такъ долженъ, будто-бы по писанію, за сосѣдомъ сходить, чтобы онъ нашель.

Не покрыть горшокъ чѣмъ-либо, не положить пустой чашки, а во время ѣды ложки въ опрокидъ—грѣхъ-же, потому что, будто-бы, въ непокрытой посудѣ нечистые духи полощатся, если есть въ ней какая-либо жидкость; а если нѣтъ ея, слѣдуетъ лизать непокрытую пустую посуду; также и ѣсть изъ непокрытыхъ посудинъ—грѣхъ: нужно ихъ бросить—разбить объ уголъ.

Если кто уронить ядро орѣха и станетъ его поднимать—это, значить, кланяется онъ дьяволу.

Подобныхъ предрасудковъ здѣсь много. Недаромъ сложилась поговорка: «на насъ грѣховъ (т. е. по большей части—предрасудковъ) столько, какъ на могучемъ (т. е. большомъ) древѣ листу».

Не мало также здѣсь въ простомъ народѣ, какъ мы сказали, и суевѣрій.

Младенца отъ грыжи продѣваютъ сквозь дубъ, который раскалываютъ долотомъ; всунувъ предварительно въ разщепину его чурбанъ, чтобы онъ не сходилъ, продѣваютъ потомъ младенца трижды взадъ и впередъ, приговаривая: «ты, сырой дубъ, сростися, а ты, грыжа, уймися»; затѣмъ, оставивъ въ разщепинѣ какую-либо тряпочку и вынувши чурбанъ, завязываютъ дубъ лычкомъ, чтобы онъ сросся. Отъ грыжи-же привязываютъ ниткой мышъ за ногу и держать ее на животѣ младенца: если она прогрызетъ ему пупокъ, то вѣрятъ, что онъ выздоровѣетъ, а если нѣтъ—умретъ.

Отъ «сухоты» (сухотки), называемой также «собачьею старостию», младенца «перепекаютъ». Это дѣлается слѣдующимъ образомъ: обвертываютъ всего младенца въ гуни (тряпки или подстилки), или загнуть разсученымъ въ его величину прѣснымъ тѣстомъ изъ ржаной муки, и привязавши его къ пирожной лопатѣ, одна женщина суетъ его три раза въ печку, а другая бѣгаетъ въ тоже время и столько-же разъ отъ печки до порога, съ приговоромъ: «пеки собачью старость, пеки гораздо».

Для излѣченія плохого вообще здоровья младенца употребляютъ такое средство: подаютъ вмѣсто милостыни въ окошко нищему обернутаго въ бѣлую пеленку младенца, котораго онъ, взявши, несетъ къ воротамъ дома; мать младенца выходитъ туда съ милостыней и, положивши ее на грудь ребенку, беретъ его, а ни-

щій—милостыню, съ приговоромъ: «дай, Господи, святому младенцу (такому-то) добраго здравія».

Если кукушка кукуеть надъ чьимъ-либо домомъ или въ огородѣ, это предвѣщаетъ, будто-бы, смерть одного изъ домашнихъ, или другое несчастіе въ томъ домѣ. Есть такое странное вѣрованіе, что, будто-бы, кукушка проспала первую заутреню свѣтлаго Христова воскресенія, такъ Господь за это сказала ей: «будь ты горькая кукушка,—чтобы вѣвъ тебѣ куковать».

Вѣрятъ, что тому, кто броситъ въ рѣку аршинъ или два холста, въ то время, когда по ней идетъ ледъ, то, будто-бы, во время страшнаго суда, когда явится огненная рѣка,—Господь для перехода черезъ нее «соблаговолитъ» устроить мостъ.

Если кто подастъ мотушку нитокъ бѣдному, то на томъ свѣтѣ подавшій будетъ переходить по этимъ ниточкамъ черезъ огненную рѣку.

Вѣрятъ также въ наговоры, заговоры, порчи, привороты, отвороты, въ существованіе лѣшихъ, домовыхъ и итд. и; и по всѣ эти предрасудки и суевѣрія уже принадлежность больше стараго поколѣнія.

Изъ народныхъ обычаевъ особеннаго вниманія заслуживаютъ свадебные обычаи, которые мы и опишемъ.

Заручившись предварительно, съ помощью свахи, согласіемъ со стороны родителей невесты на то, чтобы посмотрѣть ее, женихъ, его отецъ, мать и близкіе родные идутъ въ домъ невесты. Помолвившись Богу и сказавши обычное привѣтствіе, садятся по лавкамъ. Затѣмъ просятъ показать невесту, приговаривая: «нашъ товаръ глядите, а свой кажите». Невесту, предварительно уже одѣтую, выводятъ, причемъ всѣ встаютъ, а она почтительно кланяется имъ и стоитъ молча, также, какъ и всѣ; потомъ, минуты черезъ три, уводятъ ее къ печи, за перегородку, или за занавѣсь. Такая церемонія повторяется до трехъ разъ. Въ это время родственники жениха совѣтуются съ нимъ и между собою шопотомъ и, въ послѣдній разъ, говорятъ невестиной крестной матери, которая каждый разъ выводила ее: «сваханька, проводи-ка по полу невесту-то—не хрома-ли?» Желаніе ихъ тотчасъ исполняется безаресловно. Впрочемъ это дѣлается въ томъ только случаѣ, когда женихъ не знаетъ невесты. Нѣкоторые также просятъ ее, за то чтобы она поработала при нихъ, напр. поткала, попряла, пошила и проч. Посмотрѣвши невесту, родственники жениха уходятъ съ нимъ въ

сѣни, или на дворъ, и спрашиваютъ его, показалась-ли невѣста; хотя-бы онъ и прежде зналъ ее. Если не нравится— женихъ говоритъ: «не нужно мнѣ ее»; тогда всѣ, вошедши опять въ избу, говорятъ, обращаясь къ невѣстнымъ отцу и матери: «спасибо сватушка и свахащюка на любви», и тотчасъ-же отправляются домой. А покажется невѣста—присядутъ и начнутъ говорить о *кладкѣ*, т. е. сколько женихъ положить невѣстѣ приданого—денегъ и одежды. Денегъ кладутъ на столъ отъ 10 до 50 р. с., а изъ одежды женихъ шьетъ невѣстѣ дубленую или суконную на заячьемъ мѣху шубу, простой русскій кафтанъ и полукафтанье на ватѣ, покупаетъ шелковый или шерстяной платокъ, лѣтнюю обувь (и войлокъ), богатые женихи—шелковое платье и золотую повязку. Все, что выговзрять невѣстѣ, женихъ обязанъ сшить или купить. Если же у невѣсты упоминаемая одежда и есть—съ жениха не спрашивается ничего, кромѣ денегъ и водки (четверть или полведра) для сговора, или дѣвичника. Богатый женихъ, если ему очень понравилась невѣста, торгуется насчетъ кладки денегъ на столъ невѣстѣ меньше, чѣмъ бѣдный. Въ это-же время женихъ выговариваетъ своей роднѣ отъ невѣсты дары: отцу своему—пестряди, а матери и крестной—холста, братьямъ—ситцу на рубахи, сестрамъ и снохамъ—коленкору на рукава, дядьямъ и теткамъ—по платку отъ 20 до 50 к. с., прочимъ-же роднымъ—просто холста аршина 2—3. Дары никогда не превышаютъ кладки женихомъ столовыхъ денегъ: много кладки—много даровъ, и на-оборотъ. Сватанье завершается, наконецъ, молитвою и рукобитьемъ. По условію, сдѣланному на сватаньѣ, отецъ, мать и ближайшіе сродники жениха и невѣсты въ первый торговый день, по большей части, въ среду, отправляются въ городъ, закупать приданое невѣстѣ и дары жениховой роднѣ. Здѣсь, закупивши все, женихъ угощаетъ всѣхъ въ трактирѣ чаемъ, водкой и обѣдомъ—это называется «пропывать невѣсту». Затѣмъ бываетъ сговоръ въ домѣ невѣсты и потомъ дѣвичникъ. Первый мало чѣмъ отличается отъ послѣдняго, поэтому мы не будемъ говорить о немъ, а опишемъ только дѣвичникъ. Но предварительно нужно сказать о тѣхъ обычаяхъ, которые бываютъ въ промежутокъ между сватаньемъ, сговоромъ и дѣвичникомъ. Дѣвицы—подруги невѣсты—днюютъ и ночуютъ у нея со дня сватанья до самой свадьбы; домой ходятъ только обѣдать и ужинать. Вечеромъ-же каждый день при-

ходить въ домъ невѣсты парни, и веселье удваивается. Посидѣвши до первыхъ кочетовъ, всѣ вмѣстѣ отправляются гулять по селу съ пѣснями. Подобныя прогулки повторяются каждую ночь раза три и не обходятся безъ крику и визгу; однако, никто не зазирается, какъ не имѣющія въ себѣ ничего дурного. Женихъ, если живетъ близко, ходитъ къ усватанной невѣстѣ почти каждый вечеръ, а издалека — прїѣзжаетъ раза 2—3, съ братьями и товарищами, и каждый разъ съ гостинцами; при прощаніи же съ невѣстой, даетъ ей денегъ отъ 20 до 30 п. с. Кроме того, отъ жениха будущая свекровь или зловка приноситъ невѣстѣ нѣсколько съдобныхъ лепешекъ, яицъ и яблоковъ, за которые она отдариваетъ ихъ холстомъ (3—4 арш.). Дѣвцы, въ продолженіи сидѣнья у невѣсты, 2 или 3 раза ходятъ въ гости къ жениху; здѣсь бываетъ для нихъ всякій разъ обѣдъ и угощеніе чаемъ и разными винами. Къ жениху и отъ него проходятъ они по улицѣ съ пѣснями. Наканунѣ свадьбы, въ день дѣвичника, который бываетъ, по большей части, подъ воскресенье, дѣвцы ходятъ къ жениху обѣдать и берутъ отъ него полштофъ вина, фунтъ мыла, свѣчку и вѣникъ; послѣдній украшаютъ разными лентами, надѣваютъ на длинную палку, и поднявши его, несутъ къ невѣстѣ съ пѣснями, — что впрочемъ дѣлается не вездѣ; обыкновенно же прячутъ его подъ фартукъ. Для топки бани дѣвцы, вмѣстѣ съ парнями, наканунѣ дѣвичника, ночью, имѣютъ обыкновеніе воровать дрова. Невѣсту моютъ въ банѣ дѣвцы иногда прежде угощенія у жениха, а иногда послѣ, причемъ на каменку поддаютъ пивомъ, чтобы по запаху угадать — трезвый будетъ мужъ, или пьяница; также колютъ невѣсту булавами, чтобы привыкала величать жениха, и это дѣлается тоже не повсемѣстно. Потомъ дѣвцы, заплетши невѣстѣ косу и пообѣдавши у нея, уходятъ домой, и приходятъ уже наряженными, набѣленными и парумяненными, садятся за столъ и поютъ пѣсни. Въ это время сродники невѣсты сряжаютъ (одѣваютъ) ее, чтобы она была готова встрѣтить жениха.

Наконецъ прїѣзжаетъ женихъ съ своей родней. Его встрѣчаютъ; лошадей выпускаютъ на невѣстинъ дворъ. Входитъ въ избу прежде дружка, за нимъ женихъ, его сваха и потомъ прочіе родные жениха, кромѣ матери, которая не бываетъ ни на сговорѣ, ни на дѣвичникѣ. Дѣвцы не выходятъ изъ-за стола до тѣхъ поръ, пока женихъ не выкупитъ себѣ мѣста, т. е. не дастъ имъ денегъ.

Затѣмъ всѣ садятся за столъ. Женихъ вызываетъ невѣсту, которую и выводитъ сваха; онъ беретъ ее за руку, и прежде чѣмъ сѣсть за столъ, оба скрестятся отъ три празда и водить. Праздники дѣлаются, потому что уже садятся. Женихова сваха говоритъ домашнимъ невѣсты: «любезныя сваханьки, пожалуйте порожнихъ блюдечекъ». Ей подають. Она высыпаетъ на нихъ гостинцы и уставляетъ ими весь столъ (тарелокъ съ гостинцами бываетъ отъ 10 до 20), а дружка беретъ изъ-подъ лавки привезенный боченокъ съ виномъ и начинаетъ подчивать сначала невѣстину родню, а потомъ — свою. Женихъ въ это время, или наговорѣ, даритъ невѣсту серебрянымъ или вызолоченнымъ кольцомъ, а она отдариваетъ его платкомъ копеекъ въ 50; родителей же его и сродниковъ даритъ холстомъ аршина по 3. Остатокъ женихова вина отдается въ распоряженіе домашнимъ невѣсты, и тогда уже начинается пиръ на счетъ невѣсты. Когда подносить рюмку вина жениху, онъ отдаетъ ее невѣстѣ, а она съ поклономъ сму — обратно. Тоже дѣлаетъ и невѣста, когда ей подносятъ. Женихъ постоянно встаетъ и подучетъ невѣсту гостинцами, и каждый разъ цѣлуетъ ее. Впродолженіе пира дѣвицы поютъ пѣсни. Жениху и невѣстѣ поютъ:

Ай розанъ мой, розанъ,
Виноградъ зеленый;
Иванушка (имя жениха) уменъ,
Петровичь (величаютъ) разуменъ;
Онъ и баско ходитъ,
Манежно ступаетъ,
Сапогъ не ломаетъ,
Чуллокъ не мараетъ;
Онъ къ коню подходитъ,
Конь-ать виноходить,
На коня садился —
Конь-ать веселился;
Онъ плеточкой машетъ —
Подъ нимъ конь-ать пляшетъ;
Онъ лугами ѣдетъ —
Луга зеленѣютъ,
Къ саду подъѣзжаетъ —
Свѣты разевѣтають,
Пташки воспѣвають;
Къ двору подъѣзжаетъ —
Аннушка (имя невѣсты) встрѣчаетъ,

За ручки примаешь,
Въ горенку жалаешь,
За столигъ сажаешь,
Шпапчикъ открываетъ,
Графинь вынимаетъ,
Рюмку наливаетъ,
Ивану подноситъ:
Иванушка вышей,
Петровичъ пекущай.
Анушка милая,
Я не пью такова,
Вина зеленова.

Невѣсть еще поють:

На лугу-то, лугу,
На зеленомъ,
Во кругу-то, кругу, во двичьемъ
Разыгралася свѣтъ Аннушка (имя невѣсты),
Разыгралася, распотышилась;
Унимаетъ ее милый братъъ:
Ужъ ты полно-ко играть, глухая,
Перестань шутить, неразумная:
У воротъ-то-ли воротъ кони стоять,
За столомъ женихи сидятъ.

Дружкѣ:

Ты, друженька, ты честной человекъ,
Ты слышишь-ли, ты любишь-ли—
Мы тѣ пѣсню поемъ;
И какъ не слыхать, и какъ не любить
Во благодѣньи жить.

Жениховой и невѣстиной свахамъ:

Ты, сваханька, хороша,
Любезная, пригожа:
Еще не пилъ-бы, не ѣлъ,
Все на сваханьку глядѣть.

Каждому изъ поѣзжанъ:

Василья (имя поѣзжанина) жена ержала,
Иваныча (по отчеству) собирана,
Русы кудри расчесала,
За ворота провожала,

Въ слѣдъ ему глядѣла.

За всѣ эти пѣсни дѣвицы получаютъ отъ того, кому поютъ ихъ, деньги—отъ 3 до 15 коп. Если-же кто не даетъ имъ денегъ, они начинаютъ того «хаять» (т. е. хулить). Напр., свахъ хаютъ: «сваханька-неприханька, сватаала—все хвостала, обили всѣ шобоны»; жениха: «на кого ты сполгалася (называя по имени и отчеству невѣсту),—онъ худехонекъ, онъ малехонекъ, онъ черпехонекъ» (т. е. женихъ).

Потомъ женихъ всѣ гостинцы со стола ссыпаетъ въ платокъ невѣстѣ. Подаютъ ужинъ, и за каждымъ блюдомъ подчуютъ гостей водкой. Дѣвицы въ это время уходятъ въ сѣни и тамъ поютъ также пѣсни, а послѣ ужина стараются украсть у жениха невѣсту, съ тѣмъ, чтобы онъ выкупилъ ее. Затѣмъ всѣ расходятся и на прощаньи съ невѣстой женихъ даритъ ей еще платокъ гостинцевъ и нѣсколько денегъ. Иногда женихъ съ своими товарищами, по просьбѣ дѣвицъ, которыя вмѣстѣ съ невѣстой провожаютъ его, съ пѣснями возвращается съ дороги опять къ невѣстѣ, и просидѣвши у нея чуть не до разсвѣта, уходитъ домой, также, какъ и въ первый разъ. Тѣмъ дѣвичникъ и кончается. Послѣ каждыхъ проводовъ жениха, дѣвицы поютъ невѣстѣ:

Не было вѣтра, да навѣяло;

Не было гостей, да наѣхало:

Полна горенка князей, да бояръ,

Полонъ дворъ вороныхъ коней,

Полонъ столъ дорогихъ гостей.

Въ тоже время и невѣста плачетъ съ причетами, о которыхъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Утромъ невѣста будитъ дѣвицъ пѣсней:

Вставайте-ка мои подруженьки,

Вставайте-ка мои лебедушки,

Ужъ вставайте-ка вы, непрогнѣвайтесь;

А милыя вы мои подруженьки,

Спалась-ли вамъ темна ноченька,

Ужъ спалась-ли вамъ глухая полночь?

А мнѣ-то, молодешенькѣ, мнѣ-то, зеленешенькѣ,

Не спалась вся темна ночь,

Не спалась мнѣ глухая полночь.

Нехорошій-то мнѣ сонъ пригрѣзился:

* Распелась-то у меня руса коса,

Расплезалась она у меня на двѣ сторонушки;
Ужь вставайте-ка мои подруженьки,
Ужь вставайте-ка мои лебедушки,
И любимая моя подруженька,
Ужь вставайте-ка вы все, не прогнѣвайтесь;
Заплетите вы мнѣ русу косу,
Русу косу, мелку трубчату,
Не во сто мнѣ прядей и не въ тысячу,
А заплетите мелку трубчату,
Ужь въ первые-ли и въ остаточки;
А еще-то мнѣ пригрезилось:

А будто-бы гуляла я во зеленомъ саду,
Потеряла я три потерюшки:
Еще первую-ту потерюшку — родимова свово батюшку
и матушку,
А другую-ту потерюшку — изъ косы алу ленточку,
А третью-ту потерюшку — гульбу дѣвичью.
Дѣвицы встають и заплетаютъ невѣстѣ самымъ старатель-
нымъ образомъ косу съ пѣсней:

Не трубынька трубила рано по зарѣ,
А нушка (называя невѣсту по имени) плакала слезно
по косѣ;
Свѣтъ-ты моя косынька, мелка трубчата, узорчатая,
Вечоръ мою косыньку дѣвушки плели,
Частымъ мелкимъ золотомъ косу увили;
Пріѣхала сваханька немилостива,
Почала-же косыньку да рвать, порывать.
Милая моя сваханька, что я тебѣ досадила,
При пиру-ли при бесѣдушнѣй ставанъ обнесла?

Эта пѣсня поется всакой разъ, когда дѣвицы плетутъ невѣ-
стѣ косу, а плетутъ они ей каждый день во время сидѣнья.

Затѣмъ укладываютъ въ сундукъ приданое невѣсты, и тутъ-
же кладутъ съдобныя кокурки и яйца, которыя приносятся ей (не-
вѣстѣ) въ этотъ день подругами, въ подарокъ. Эти кокурки и
яйца, послѣ свадьбы, какъ лакомства, мало-по-малу съѣдаются мо-
лодой, вмѣстѣ съ мужемъ и семейными его, особенно съ малыыми,
чтобы расположить ихъ къ себѣ. Сундукъ и постель невѣсты бе-
рутся въ поѣздъ, вмѣстѣ съ благословенными иконами, хлѣбомъ и
солюю.

Потомъ сряжаютъ жениха и невѣсту къ вѣнцу; кладутъ имъ

отъ порчи, за пазуху, жениху — «Богородицынъ сонъ»^{*)}), а невѣстѣ — кокурку и два яица, сваренныхъ круто; кромѣ того, къ краю платья невѣсты прикалываютъ двѣ булавки, крестомъ; кокурка и яица, послѣ вѣнчанія съѣдаются молодыми прежде всего.

Наконецъ собирается поѣздъ, отъ 4 до 10 паръ лошадей. Поѣзжане, пріѣхавши къ жениху, обѣдаютъ у него. Послѣ обѣда отецъ съ матерью благословляютъ жениха иконой съ хлѣбомъ-солью. Потомъ отправляются на лошадахъ, вмѣстѣ съ женихомъ, къ невѣстѣ и вошедши въ избу, дружка отдаетъ подвѣчную обувь невѣстѣ, которая и надѣваетъ ее, кладетъ на столъ жениховы хлѣбъ-соль и мѣняетъ ихъ на невѣстины (это значить — женихъ съ невѣстой сродниться хотятъ). Здѣсь поѣзжанамъ тоже бываетъ обѣдъ, впродолженіи котораго сваха жениха расплетаетъ невѣстѣ косу и она расплетши проситъ, чтобы подали блюдечко, въ которое кладетъ гостинцы, а на нихъ ленту изъ косы; подавая обратно, говоритъ: «примите-ва, сваханька (обращаясь къ невѣстипой матери), дѣвичью красоту; спасибо, что поили, да кормили, берегли, да делѣяли, да намъ доставили». Невѣсту родители ея благословляютъ сначала одну, до пріѣзда жениха, а потомъ обоихъ вмѣстѣ. Крестные отецъ и мать жениха и невѣсты благословляютъ ихъ каждый своей иконой. При выходѣ невѣсты изъ дому, дѣвицы поютъ ей:

Дорогая наша гостейка,
Погости въ гостяхъ у батюшки,
У лебедушки, у матушки;
Ужъ я рада-бы погостила,—
У Ивана (имя жениха) кони сряжены,
У Петровича (по отчеству) заложены;
Выходила-же родна матушка,
Выходила на высокъ крылецъ,
Закричала громкимъ голосомъ:

Воротися дочь любимая,

Не забыла-ли ты золоты ключи,

Не забыла-ли ты волю батюшину, нѣгу матушкину.

Когда совѣмъ соберутся ѣхать въ церковь, дружка, также,

^{*)} Одинъ изъ вариантовъ очень распространенной, особенно въ средѣ раскольниковъ, рукописи «Богородицына сна» напечатанъ нами въ 1870 году («Ниж. Сборникъ», томъ III, статья священника А. И. Борисовскаго «Примѣты» и проч., стр. 204).— *Ред.*

какъ и при выѣздѣ отъ жениха, обходить поѣздъ съ иконой три раза, произнося какую-либо молитву, и въ послѣдній разъ подносить ее каждому изъ поѣзжанъ, а равно жениху и невѣстѣ, для цѣлованія. Поѣздъ, отѣхавши недалеко, останавливается, а дружка возвращается къ родителямъ невѣсты, зоветъ ихъ на такъ называемый *горный столъ*, который бываетъ у жениха вечеромъ въ день брака, и опять соединяется съ поѣздомъ. Во время вѣчанія жены поѣзжанъ обѣдаютъ въ домѣ жениха. Отъ вѣнца встрѣчаютъ молодыхъ съ хлѣбомъ-солью жениховы отецъ и мать на дворѣ, постилая подъ нихъ что либо. Когда введутъ въ домъ молодыхъ, уводятъ ихъ за перегородку къ печи, гдѣ сваха заплетаетъ невѣстѣ двѣ косы и перевязываетъ ей голову косынкой, а потомъ сажаютъ ихъ за столъ—впередъ. Здѣсь молодую, покрытую платкомъ, свекоръ съ свекровью «вскрываютъ», т. е. подходят поочередно къ ней, и раскрывая ей каждый разъ лицо, цѣлуютъ, причемъ свекоръ даритъ ей денегъ, а свекровь—платокъ. Свекровь, раскрывши молодую, говоритъ, обращаясь къ присутствующимъ, которыхъ бываетъ всегда полна изба: «поглядите на мою молодушку, да не хайте». Потомъ опять уводятъ молодыхъ къ печи—обѣдать вмѣстѣ съ дружкой. Въ то же время впереди обѣдаютъ и поѣзжане—это уже въ другой разъ у жениха. Затѣмъ они развѣзжаются. Къ вечеру прѣзжаетъ, или (если близко) приходитъ, на горный пиръ къ жениху невѣстинъ родъ, и прежде, чѣмъ войти въ домъ, дожидается у воротъ встрѣчи молодыхъ, которые подносятъ здѣсь отцу и матери по стакану водки, а они поздравляютъ ихъ съ законнымъ бракомъ; затѣмъ дружка вводитъ всѣхъ ихъ въ домъ съ привѣтствіемъ: «просимъ пожаловать, дорогие гости». Выговоренные на сватаньи дары мать невѣсты приносятъ съ собой. Дружка говоритъ ей: «сваханька-сударыня, распорядитесь» (т. е. она должна разсадить свой родъ—близкихъ родныхъ—ближе къ невѣстѣ, и на-оборотъ; жениховъ-же родъ садится ниже), а самъ уводитъ молодыхъ въ заднюю избу, или, если ея нѣтъ,—за перегородку, гдѣ сваха наряжаетъ молодую. Наряженныхъ молодыхъ дружка опять ведетъ къ гостямъ и громко кричитъ: «Христосъ воскресъ, молодыхъ веду!», давая этимъ знакъ постороннимъ зрителямъ, наполняющимъ избу до тѣсноты, чтобы дали имъ дорогу. Сажая ихъ за столъ, говоритъ: «сваханька, пожалуйста порожнихъ блюдечекъ». Подается блюдо и тарелка. Дружка ставитъ блю-

до передь молодыми на столъ, а тарелку отдасть въ руки невестиной матери. Молодой беретъ полштофъ съ виномъ, а молодая — стаканъ, въ который онъ и наливаетъ вина, стоя. Мать невесты кладетъ на тарелку подарокъ для свата, отца женихова, которому, въ это время, дружка говоритъ: «батюшка родимый, поступи, пожалуйста, просить васъ молодой князь съ молодой княгиней — ковшомъ, да медомъ, ласковымъ словомъ, да низкимъ поклономъ, вино-то выкушай, а блюдечко-то посеребри». Отецъ подходитъ къ нимъ, беретъ изъ рукъ молодой стаканъ, поздравляетъ съ законнымъ бракомъ, выпиваетъ вино и, получивши подарокъ, пьетъ каждое изъ молодыхъ три раза и отдариваетъ деньгами. Такая церемонія происходитъ при поднесеніи вина каждому изъ родныхъ жениха и невесты. Затѣмъ дружка уводитъ молодыхъ ужинать особо отъ гостей, и самъ вмѣстѣ съ ними ужинаетъ, послѣ чего укладываетъ ихъ спать, а молодая даритъ его платкомъ. Гости пируютъ до утренней зари. Утромъ сваха женихова встаетъ всѣхъ раньше и топить для молодыхъ баню. Приходитъ дружка и «поднимаетъ» ихъ. Когда они вымоются, напьются чаю и пообѣдаютъ, дружка, получивши еще подарокъ отъ молодой, отправляется звать опять невестиныхъ отца и мать и ближайшихъ ихъ родственниковъ къ жениху на «кокурки» (название это произошло отъ того, что въ это время кладутъ на столъ, какъ закуску, небольшія лепешки, называемыя кокурками, или «курники» съ говядиной и яйцами, т. е. кулебяки, которыя украшаются елками, перевитыми разноцвѣтными бумажками). Этотъ столъ до подробностейъ бываетъ съ тѣми-же церемоніями, какъ и «горный»; отличается отъ послѣдняго только тѣмъ, что тутъ женихова родня занимаетъ мѣсто уже впереди, и тѣмъ, что невестица мать даритъ женихову родню менѣе цѣнными покупками, чѣмъ за горнымъ столомъ. Затѣмъ, тотчасъ послѣ обѣда у жениха, всѣ гости и молодые отправляются съ пѣснями въ домъ отца невесты на «блинки», — такъ называется послѣдній столъ у невесты, которымъ завершается свадебный пиръ. Здѣсь уже никакихъ даровъ не бываетъ, и молодые не уводятся дружкой изъ-за стола пирующихъ, а принимаютъ участіе въ общемъ весельи; во всемъ-же прочемъ этотъ столъ ничѣмъ не отличается отъ предыдущихъ двухъ. Наконецъ всѣ пирующіе расходятся, а молодые остаются ночевать. На другой день теща угощаетъ своего зятя блинами и провожаетъ молодыхъ кататься по селенію

на приготовленной для этого паре лошадей; съ нами въ одномъ экипажѣ садится еще человекъ 5 близкихъ родныхъ. Катаются съ пѣснями и затѣмъ приѣзжаютъ домой. Въ первую послѣ брака субботу молодые ходятъ на «отгостки» къ невѣстинымъ отцу и матери, по зову.

Скажемъ нѣсколько словъ о причетахъ невѣсты передъ свадьбой.

Невѣста передъ бракомъ причитаетъ, обращаясь къ отцу и матери, слѣдующее:

А родимые вы мой батюшка и матушка,

Нашто вы на меня огиѣвались?

Али я вамъ не работница была,

Вашимъ бѣдымъ рученькамъ не замѣнушка?

Не ходили-бы вы къ дубову столу,

Не были-бы вы рука объ руку,

Не брали-бы вы золоту казну,

Не пили-бы вы зелено вино:

Золота казна обманчива,

Зелено вино пропойчиво.

Отдаете вы меня, не собравши съ умомъ-разумомъ,

Не наклавши платья свѣтнаго,

Не наполни лица бѣлаго.

Мать съ отцомъ отвѣчаютъ ей: «не плачь дитятко, — такъ суть божья пришла».

Если невѣста сирота, то съ причетомъ обращается къ кому-либо изъ родныхъ, напр., къ брату:

А родимый ты мой братецъ,

Поймай-ка ты ворона коня,

Поѣдь-ко ты къ божьей церкви,

Ударь-ко ты въ звонкій колоколь,

Побуди-ка ты роднова мово батюшку;

Подуйте-тка вѣтры сильные,

Раздуйте-тка жолты пески;

Разступись ты мать сыра земля на четыре четверти;

Раскройся ты гробова доска;

Распахнись-ка ты тонкій бѣлъ саванъ;

Возстань-ко ты родной батюшка,

Прилети-ка ты яснымъ соколомъ

На мою-то свадьбу горькую;

Срядить-то меня есть кому, —

Благословить-то меня некому.
Также причитають и объ матери. Потомъ, поплакавши о своихъ родителяхъ, невѣста подходитъ къ брату и къ снохѣ; если же и ихъ нѣтъ, то къ кому-либо изъ родственниковъ, въ домѣ которыхъ она жила, и «могорится» имъ:

А родимый ты мой братецъ и невѣстужка-лебедушка
(или дядюшка и пр.)

Не попомните вы моей грубости и глупости,—

Была я не въ совершенныхъ лѣтахъ;

Не покиньте вы меня горькую;

Приду-то я къ вамъ въ гости,—

Найдите-тка вы меня словомъ ласковымъ и кусомъ
сладкимъ.

Съ отданой сестрой невѣста плачетъ такъ:

Какovo житье во чужихъ людяхъ,

У чужова отца, матери,

У чужова рода, племени.

А она ей отвѣтъ:

А родима ты моя сестрица,

Живи-ка ты во чужихъ людяхъ, во незнаемыхъ,

Держи-ка ретиво сердце покорчивый,

Буйну головушку посклончивый;

Не тебя пошлютъ—такъ ты поди;

Не тебя кричатъ—такъ ты отвѣтъ давай;

Почитай-ка ты во чужомъ дому всѣхъ—съ большаго,
да до малаго.

Затѣмъ невѣста плачетъ съ любимой подругой:

Ужъ спасибо тебѣ, милая подруженька,

На твоємъ-ли неоставленьицѣ,

На твоємъ-то-ли словѣ ласковомъ,

За то, что ты не оставляла—

Заплетала ты мнѣ русу косу,

Русу косу, мелку трубчату,

Въ первые-то и въ остаточки

На мою-то судьбу горькую.

Съ прочими подругами:

Подруженьки-голубушки,

Пойдете вы во луга гулять,

Станете свѣточки рвать,

Станете вѣночки вить,

Сорвите на меня свѣтокъ,
Совеите на меня вѣнокъ.
Куда мнѣ вѣнокъ будетъ дѣвати?
Вы пустите ихъ на воду:
У всѣхъ вѣнки поверхъ плывуть,
А мой вѣнокъ ко дну пошолъ.

Плакать невѣстѣ передъ вѣнцомъ считается за необходимо-
нужное дѣло: «если де не заплачется за столомъ, такъ заплачет-
ся за столомъ», т. е. если случатся съ нею несчѣ въ жизни ка-
кія-либо невзгоды, она должна будетъ скрывать ихъ отъ чужой
семьи, да и для своей—она уже отрѣзанный ломоть.

Здѣсь, кстати, скажемъ о причетахъ и надъ умершими.

Дѣти надъ отцомъ причитають такъ:

А родимый ты мой батюшка,
Оставилъ ты насъ спроть горькихъ,
Кому-то насъ будетъ поить, кормить?
Никто-то насъ не привѣтитъ, не призритъ, не приго-
лубить:

Аки итица въ полѣ чистоемъ летаетъ,
Аки кокушка кокуеть,
Такоже и мы, безиріютные сироты, станемъ куковати;
Все-то будемъ тебя ждати,
Никогда-то мы тебя не доглядимъ,
И нигдѣ-то мы тебя не сыщемъ:
Ни въ чистоемъ полѣ, ни въ лугахъ зеленыхъ, ни въ
дѣсахъ темныхъ.

Не на рѣку-ли ты быстрюю ушолъ?
Кому-то будетъ домъ доить?
Кому-то будетъ пашеньку пахать и работунку работать?

А мы, молодешеньки, а мы зеленешеньки въ разумѣ
несовершенномъ:
А съ кѣмъ-то намъ думу думати,
А съ кѣмъ-то намъ слово молвити?
Обуять насъ грусть-тоска.

Надъ матерью:

А родима ты моя матушка,
Съ кѣмъ-то намъ будетъ думу ду-ати и слово молвити?
Встрѣчала ты насъ и провожала,
Встрѣчала ты насъ среди пути-дороженьки,

Цѣловала, миловала насъ,
Провожала ты насъ далекохонько.

Выданная дочь приговариваетъ кромѣ того:

Заростетъ мнѣ путь-дороженька
Ко твоему двору широкому,
Заростетъ лугомъ зеленыемъ,
Травою шелковою и ельничкомъ-березничкомъ;
Не будетъ къ тебѣ ни ходу, ни вѣду.

Т. е. отъ братьевъ уже не будетъ такого привѣта ей, какъ отъ матери:

Жена надъ мужемъ:

Свѣтъ-ты мой, сердечный другъ,
А свѣтъ-ты мой, любезный другъ,
А съ кѣмъ-то мнѣ думу думати,
А съ кѣмъ-то мнѣ слово молвити?
Обуять-то меня грусть-тоска;
Нигдѣ-то я тебя не сыщу,
Нигдѣ-то недождуся;
Гуляла-то я съ тобой поле—за поле, за два чистые,
Вездѣ-то я съ тобой гуляла;
По пирамъ и по бесѣдушкамъ;
А теперича я, какъ кокушка,
Буду безъ тебя горевати;
Никому-то я не нужна буду;
Никто-то мени не призреть, не приголубить;
И не обрадуется николи мое ретиво сердце,
И падеть мое сердце, аки камень въ воду—
Такъ и пропадетъ.

Мужья надъ женами не причитають, а по большей части, всхлипъ, плачутъ; болѣе-же чувствительные изъ нихъ приговариваютъ: «умница ты моя, разумница, слуга вѣрная, да послушница ты моя была безотвѣтная; ни съ кѣмъ-то ты не спорила и не вздорила; сердце твое, аки каменное было; слово тайное и рѣчь пріятная была у меня съ тобой».

Обратимся теперь къ описанію хозяйственного быта жителей взятой нами мѣстности. Земли у священно-церковнослужителей имѣется усадебной 3 десятины, пашенной 30 и стѣнныхъ покосовъ 3 десятины; у крестьянъ-же, временно-обязанныхъ разнымъ владѣльцамъ, земля—3410 десятинъ 1921 саж., въ томъ числѣ усадеб-

ной 116 десят. 1239 саж., луговой 469 десят. 1102 саж. и подълъсомъ 120 десят. 1200 саж.

Душевой надѣлъ крестьянъ по уставнымъ грамотамъ—отъ $1\frac{1}{4}$ десят. до $4\frac{1}{2}$ десятинъ. Владѣніе землею, почти на половину, черезполосное и сплошное. Передѣлка земли бываетъ рѣдко,—въ томъ только случаѣ, когда окажется значительный процентъ прибылыхъ душъ противъ убылыхъ; обыкновенно-же владѣніе убылой души передается прибылой.

Оброку платять крестьяне съ души, смотря по надѣлу земли, отъ 2 р. 50 к. до 10 р., кромѣ общества, временно-обязаннаго г-жѣ Озеровой, въ селѣ Борисовскомъ, которое оброку не платитъ уже $2\frac{1}{2}$ года, потому что владѣльцы, получившіе имѣніе послѣ г-жи Озеровой, по неизвѣстной крестьянамъ причинѣ, не требуютъ его. Въ платежѣ оброка существуетъ круговая порука.

Оставшуюся отъ надѣла землю помѣщики отдають по-десятинно въ аренду своимъ или чужимъ крестьянамъ, на годъ, отъ $1\frac{1}{2}$ до $7\frac{1}{2}$ р. сер. Луга тоже отдаются ими по-годно за деньги, изъ половинной части. У нѣкоторыхъ-же помѣщиковъ оставшеюся отъ надѣла землею крестьяне пользуются безвозмездно.

Постройка крестьянскихъ домовъ ни въ техническомъ, ни въ строительномъ вообще отношеніяхъ неудовлетворительна: дома ставятся безъ фундаментовъ, на однихъ столбахъ и обкладываются не съ основанія; трубы выводятся надъ крышей не высоко, почти въ уровень съ послѣдней и, притомъ, не изъ кирпича, а черепичныя. Улицы расположены безъ всякой планировки; проулки между домами мало, и они не широки. Фасадъ домовъ въ 3 окна; высота ихъ въ 12—14 вѣнцевъ; крыша настиляется въ два теса; исподній стелется въ разбѣжку—только подъ спанъ верхняго. Келій въ приходѣ 49; амбаровъ 166.

Пожаровъ, за послѣднее десятилітіе, кромѣ овиновъ, которыхъ каждую осень горитъ по нѣскольку, было 5. Въ селѣ Борисовскомъ въ два пожара сгорѣло 29 домовъ, въ деревняхъ: Новосильцевскихъ Новинкахъ—13 домовъ, въ Кусаковѣ—33 сеницы съ сѣномъ, 5 амбаровъ съ хлѣбомъ и 9 овиновъ, на сумму 3600 р. Причины пожаровъ бываютъ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ. Для прекращенія пожаровъ имѣются двѣ огнегасительныя трубы, одна въ селѣ Борисовскомъ, а другая въ деревнѣ Кусаковѣ, купленная уже послѣ пожара; послѣдней пользуются

я и смежныя съ Кусиковкой деревни: Горки, Пасосилево и Ковшарово. Кромѣ трубъ есть на припасъ въ каждой почти деревнѣ бочки съ водою, багры и ухваты. На случай пожара оставляютъ на ночь во время лѣта 1—3 лошади, а нѣкоторые и ни одной не оставляютъ, по близости пасущихся лошадей. Ночные караулы есть. Страхование существуетъ отъ земства—обязательное. Опѣива домовъ—отъ 10 до 200 р. сер. У нѣкоторыхъ застрахованы и амбары. Съ опѣлочнаго рубля платили прежде 2—3 процента, а съ 1873 года платять 5—6 процентовъ.

Всѣ прихожане принадлежать къ бышенцевской волости. Волостное правленіе, бывшее до 1870 года въ селѣ Борисовскомъ, нынѣ находится въ деревнѣ Новой (Шербинкѣ) ближе константиновскаго прихода, на большой арзамасской дорогѣ, въ 10 верстахъ отъ Нижняго. Всякое дѣло, требующее общественнаго сужденія, рѣшается сельскимъ сходомъ; недовольные же рѣшеніемъ его обращаются въ правленіе и на волостной судъ. Для распоряженій и сбора податей, въ каждомъ селеніи избирается изъ среды общества староста, на три года, за извѣстное вознагражденіе, —отъ 15 до 50 р. сер., смотря по числу жителей каждаго селенія. Какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни крестьянъ, никакое почти дѣло, касающееся по преимуществу продажи общественныхъ угодій или подрядовъ, не обходится безъ могоарычей.

Повинности на крестьянахъ слѣдующія: оброкъ, казенныя подати, губернскіе и уѣздные земскіе сборы, сборы на волостныя и общественныя расходы, исправленіе почтовыхъ трактовъ нату рою и друг.

Всѣ почти крестьяне обрабатываютъ землю сами, но нѣкоторые или нанимаютъ для воздѣлыванія земли работниковъ, или отдаютъ ее въ аренду на годъ, подъ яровой только посѣвъ, за 4—6 р., подъ яровой и озимой, за 6—10 р., а вмѣстѣ съ лугами—13—17 р. за тягло (2 души); есть и тѣліе, которые сдаютъ свою долю пахотной земли и луговъ другимъ, на извѣстное время, съ тѣмъ условіемъ, чтобы платять за нихъ всѣ подати, сами же живутъ въ городѣ, или на ярмаркѣ, въ должностяхъ половыхъ въ трактирахъ, приказчиками въ лавкахъ и проч. Тягло луговъ продается за 4—7 р.

Условная плата работнику-земледѣльцу въ лѣто, съ пасхи до покровы или осенней казанской—отъ 25 до 40 р. Кромѣ того,

въ деревнѣхъ Береговыхъ Новинкахъ занимають рабочихъ на зиму, для добыванія въ горахъ алебастра и бута рублей за 17, а на лѣто—для нагрузки ихъ на доски рублей за 45. Жнеи берутъ за жнитво съ лѣтней казанской до уборки хлѣба 10—15 р., а поденно жнуть отъ 30 до 50 к. Въ снокошь платять косцу въ недѣлю 3 р., женщины, за уборку сѣна, поденно—отъ 30 до 50 к., а въ молотьбу, первому въ день 30 к., послѣдней—15 к. сер.

Большая часть здѣшнихъ крестьянъ—народъ бѣдный, живетъ—«сдва концы съ концами сводить», т. е. остатка у него отъ заработковъ денежныхъ не бываетъ, и пробавляется кое-чѣмъ: обыкновенная его пища—щи изъ сѣрой капусты, въ скоромный день забѣленные молокомъ, а бѣлая капуста хлѣбается съ квасомъ, огурцами, лѣтомъ съ лукомъ и съ бѣлымъ хлѣбомъ или ситнымъ; картофельная похлебка и жареный картофель, то и другое, очень часто, безъ масла, а если и съ масломъ, то постнымъ; молоко хлѣбють многіе святое, а сливочный слимокъ продають въ городѣ; говядину-же и кашу, жидкую, безъ масла, варять только въ большіе праздники. Даже достаточные, сравнительно, крестьяне мало чѣмъ отличаются въ пищѣ отъ бѣдныхъ; достатокъ свой они употребяютъ скорѣе на другое, что, напр. на одежду, чай и водку, чѣмъ на съѣстные припасы. Для отопленія дрова покупаются изъ помѣщичьихъ лѣсныхъ дачъ отъ 2 р. 50 к. до 3 р. 50 к. за сажень; нѣкоторые-же изъ крестьянъ отопляются дровами изъ надѣленного имъ кустарниковаго лѣса. Освѣщаются лучиной, а нѣкоторые имѣють и лампы. Одѣваются чистенько. Въ домахъ довольно опратно. Богатые, имѣющіе значительныя деньги, живутъ въ Нижнемъ или Кунавинѣ, содержа, напр., трактиръ, лавку, питейное заведеніе, курень и проч. Не смотря однакожъ на такое скудное содержаніе, для средней крестьянской семьи, состоящей изъ 4 членовъ, на пищу, одежду, отопленіе и освѣщеніе, кромѣ другихъ расходовъ по дому, ежегодно требуется отъ 75 до 100 р.

Общественные магазины имѣются въ каждомъ селеніи. Въ нихъ два сорта хлѣба—ржаного по четверти на душу и ярового (овса)—по осмиш; хлѣбъ этотъ въ весеннее время раздается ржаной—на половину, а яровой—весь; осенью опять собирается. Общественныхъ запасныхъ капиталовъ нѣтъ; недвижимокъ—тоже.

Земля, при трехпольномъ хозяйствѣ, обрабатывается обыкновеннымъ способомъ—сохой и бороной.

Обработка ярового поля начинается по просухѣ—въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая, а озимого—съ половины іюля; съ-новость—съ 8 іюля, и продолжается недѣлю или двѣ, смотря по времени; яровой хлѣбъ сѣютъ съ половины мая, а ржаной—съ половины августа; жать рожь начинаютъ послѣ ильина дня, а яровые хлѣба—послѣ усненья; молотѣба производится сыромолотомъ и съ овинца; первая бываетъ вскорѣ по сжатіи хлѣба, а послѣдняя—въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ; молотятъ лошадьми.

Треть каждого поля, среднимъ числомъ, удобряется однимъ только павозомъ домашняго скота, а двѣ трети—ничѣмъ неудобряются.

Ржи высѣвается на шестидесятую десятину 12 мѣръ, пшеницы 10—11, овса и гречи по 2 четверти, горохъ десятинами не сѣютъ, а судя по посѣву пшеницы или ржи, можно опредѣлить, что на десятину гороху высѣвается около 7½ мѣръ, ячменю—13, льна—8; гречи и овса сѣютъ мало, а другихъ хлѣбовъ вовсе не сѣютъ.

Сѣнокосы здѣсь, почти на половину, поемные, около рѣки Кудьмы, и сухіе—по пригоркамъ. Сѣна мелкаго, доброкачественнаго, накашиваютъ на душу отъ 2 до 3 возовъ, по 15 пудовъ каждый, исключая деревни Береговыхъ Новинокъ, гдѣ дуга, по дальности отъ нея, за рѣкой Окой, отдаются въ аренду за 30 р., а тамъ у себя въ близости, всей деревней, накашиваютъ не болѣе 10 возовъ, и общества, временно-обязаннаго г. Приклонскому въ деревнѣ Кусаковѣ, которое, кромѣ собственнаго пользованія на душу до 4—5 возовъ,—продаетъ травы ежегодно на 300—400 р. Сѣно продаютъ въ Нижнемъ отъ 2 до 4 р., за возъ пудовъ въ 15.

Средняя цѣна соломы за возъ 50—75 к. на мѣстѣ, а въ Нижнемъ продаютъ по 1 р. и больше; мякны—отъ 5 до 15 в. за куль, сотни колотковъ, т. е. выбитыхъ сноповъ—1 р. Цѣну ржаной муки и яровыхъ хлѣбовъ опредѣляетъ нижегородскій базарь.

На удобренной десятинѣ, при хорошихъ условіяхъ произрастанія, рожь родится сама-6, пшеница—сама-3, горохъ—самъ-8 и 10, ленъ—самъ-3, ячмень—самъ-8 и 10, также какъ и горохъ, но послѣдній, относительно урожая, подверженъ, сравнительно, болѣе измѣняемости: при дождливомъ лѣтѣ родится его много, а при сухомъ—мало. На неудобренной-же землѣ приходится собирать

въ половину меньше всего. Для годового продовольствія своего хлѣба крестьянамъ, исключая нѣкоторыхъ, не достаетъ; хлѣбъ начинаютъ покупать съ рождества христова, масленицы и пасхи. Недаромъ поэтому говорится здѣсь часто: «два года третій съѣдаютъ», т. е. урожан трехъ лѣтъ съѣдаются въ два года.

Огородничество здѣсь промысловаго значенія не имѣетъ, а существуетъ только для домашняго продовольствія. Въ огородахъ садятъ: картофель, огурцы, свеклу, лукъ, рѣдьку, рѣпу, бухту (брюкву), капусту, горохъ, бобы, маъ, подсолнечники, тыкву, свеклу и проч. Земли подъ огородами вездѣ почти достаточно, исключая деревни Кусаковки, гдѣ огороды довольно тѣсны, такъ что большая часть картофеля садится на поляхъ.

Садоводство тоже незначительно. Въ садахъ находятся яблони, малина, смородина, вишня, крыженикъ и только. Вишни и яблони позабаютъ: что годъ, то меньше ихъ. Малина носится для продажи въ Нижній, на коромыслахъ; фунтъ ея продается въ первый сборъ по 2—3 к. Впродолженіе лѣта выручаютъ отъ продажи малины съ одного сада отъ 10 до 50 р., а яблочковъ продается на 10—40 р. Порядочныхъ садовъ, имѣющихъ отъ 10 до 100 яблонь, можно насчитать во всемъ приходѣ не болѣе 30; всего болѣе ихъ въ деревнѣ Козловкѣ, гдѣ кромѣ того имѣется оранжевый садъ В. П. Козлова, приносящій доходу каждагодно отъ 200 до 700 р. Довольно порядочны сады также у станового пристава Я. А. Садовскаго въ селѣ Борисовскомъ и у Г. Н. Соловьева въ деревнѣ Новосильцевскихъ Новинкахъ; первый, купленный вмѣстѣ съ другими угодьями у г. Позднякова, въ настоящее время разводится молодыми присадками, а въ послѣднемъ находится около 200 яблонь и грунтовой сарай съ вишнями, но уже позабытими; доходу даютъ каждый—отъ 20—40 р.

Пчельниковъ въ приходѣ всего только 6, а ульевъ—около 150. Особаго улучшеннаго ухода за пчелами нѣтъ. Опредѣлить точно сборъ меду и восчины трудно, потому что пчеляки держатъ это въ тайнѣ. Среднія цѣны на медъ—7 р. 50 к., на восчину—10 р. за пудъ.

Порода домашняго скота обыкновенная. Лошади—отъ 20 до 100 р., коровы—отъ 35 до 60 р. Содержать лошадь на мшеницѣ и сѣнѣ стоитъ почти одинаково съ содержаніемъ коровы,—отъ 25 р. до 35 р., а на овсѣ и сѣнѣ содержаніе лошади обойдется не менѣе 75 р. Овецъ здѣсь держать мало. На каждаго работни-

ника придется не болѣе, какъ по одной лошади. Рѣдкіе держатъ по 2 дойныхъ коровы, а большіе — по одной съ телицей или двумя телицами. Падежи скота, особенно рогатаго, бывають нрѣдко отъ проговныхъ гуртовъ, которые пасутся почти каждагодно на лугахъ г. Геніева и Позднякова. Лечать болѣзную скотину медомъ съ солью, натирая ей этимъ языкъ; раны отъ червей намазываютъ соленымъ дегтемъ, сокомъ долушиника и скипидаромъ.

Изъ промысловъ преимуществуеть передъ прочими кузнечный. Всѣхъ въ приходѣ кузницъ 18; изъ нихъ такихъ, гдѣ только кууютъ разнаго сорта мелкій гвоздь (шиповокъ) — 14, и 3 каретныхъ заводовъ съ мастерской, а кузнецовъ — около 200 челоувѣкъ. Кууютъ мелкій гвоздь, по большей части, изъ хозяйскаго желѣза, и вырабатываютъ въ недѣлю, каждый, отъ 1 р. 50 до 2 р. 50 к. и 3 р. Затѣмъ слѣдуютъ: во-1) добываніе бута и алебаstra въ горахъ при рѣкѣ Окѣ и сплавка ихъ на десчанкахъ въ Нижній Кунавино и на чернорѣцкую станцію московско-нижегородской желѣзной дороги; во-2) рыболовство и въ-3) ловленіе раковъ. Есть небольшая часть ваденицковъ (6), портныхъ (17), сапожниковъ (10), печниковъ (5), мясниковъ (8) и проч. По занятіямъ въ городѣ здѣшнихъ жителей можно раздѣлить на приказчиковъ, служащихъ въ трактирахъ, поваровъ и буфетчиковъ, извозчиковъ — домашнихъ и лихачей, содомосовъ («кляшниковъ» по мѣстному названію), машинистовъ по парходной части (6 челоувѣкъ) и проч.

Мукомольныхъ мельницъ въ приходѣ — 12 вътрянныхъ и 1 въдѣжная о 3 поставахъ, на рѣкѣ Кудьмѣ, бывшая г. Ватковскаго нынѣ она принадлежитъ А. Д. Геніеву, которому продана она вмѣстѣ съ землей и другими угодьями. Кирпичныхъ заводовъ 2, одинъ крестьянскій въ селѣ Борисовскомъ; рабочихъ на немъ 2—3 челоувѣка, а другой въ деревнѣ Береговыхъ Новинкахъ, принадлежащій купцу, временно-присланному къ г. Горбатову, И. С. Ширкалину. При устройствѣ завода онъ снялъ землю у г. Соловьева на 6 лѣтъ, а теперь снимаетъ каждагодно за 350 р. Первоначально заводъ этотъ дѣйствовалъ посредствомъ паровой машины, которая, однако не имѣла хорошаго приложенія, а потому въ настоящее время дѣлають на немъ кирпичъ руками. Мастеровъ для завода принимаютъ отъ 20—25 челоувѣкъ, на половину здѣшнихъ и чужихъ. Каждому рабочему подрядчикъ платитъ 85 к., за тысячу сдѣланныхъ сырыхъ кирпичей, а самъ получаетъ отъ хозяина по 3 р. съ тысячи уже

обожженныхъ кирпичей. Работа начинается съ первыхъ чиселъ мая и продолжается до успеня и далѣе. Въ означенный періодъ времени надѣлаютъ совсѣмъ готоваго кирпича до 500,000, а въ день каждымъ рабочимъ готовится сырцу отъ 800 до 1000. За сгонку кирпича на досчаникъ въ Нижній и Кунавино платять по 1 р 50 к. съ тысячи, а продаются кирпичи по 9—10 р. за тысячу. Для обжигу тысячи кирпичей употребляется дровъ на 2 р. 50 к. и 3 р. Здѣсь-же, рядомъ съ кирпичнымъ заводомъ устроенъ года 3 назадъ заводъ алебастровый; принадлежитъ онъ г. Соловьеву. На немъ 8 человекъ рабочихъ и 2—3 лошади. Вымалываютъ его въ день около 500 пудовъ, а въ лѣто—съ 1 мая до цокрова—около 25,000 пудовъ. Рабочіе получаютъ по-мѣсячно, каждый, 8—10 р. Смолотый алебастръ сплавляется на собственныхъ г. Соловьева досчаникахъ въ Нижній и на армарку, и продается тамъ коп. 9—11 за пудъ. Алебастръ добываютъ тоже въ собственныхъ г. Соловьева горахъ по 12 р., за тысячу; добываютъ его зимой. Рабочихъ зимой бываетъ 12 человекъ, и каждый наломаетъ въ зиму алебастру не менѣе 3000 пудовъ. Дровъ для обжигу одной тысячи требуется на 12 р. Отъ одной тысячи сырого матеріала бываетъ угару 300 пудовъ.

Торговля здѣсь на мѣстѣ ограничивается 5 бакалейными лавками, столькими-же питейными заведеніями и сгоннымъ лѣсомъ (лѣсопродавецъ 2), а по базарамъ нѣкоторые переторговываютъ хлѣбомъ, рыбой, говядиной, грибами, дегтемъ, постнымъ масломъ и другими необходимыми для крестьянъ продуктами и принадлежностями. Въ Нижній возить сѣно, солому, мякину, дрова, молоко, сметану, творогъ, сливки, чуховское масло, яйца, ягоды, яблоки и все, что только есть и можно продать въ городѣ. Есть изъ здѣшнихъ жителей торгующіе въ Нижнемъ кренделями, печенымъ хлѣбомъ,—отъ себя, или отъ хозяевъ; содержатъ также жители Борисовскаго въ городѣ или Кунавинѣ трактиры, лавки, питейныя дома и проч.

Священникъ Т. Доброзраковъ.